

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.1>UDC 327.5
LBC 66.4Submitted: 01.09.2024
Accepted: 04.03.2025

NATO'S GOING ON GEOGRAPHICALLY GLOBAL ACTIVITY: THE PAST AND THE NEW STRATEGIES

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Today, the West attempts to hold NATO accountable for issues that extend far beyond the alliance's geographical and functional responsibilities, similar to the situation in the 2000s–2010s. This issue is crucial for establishing a West-orientated global order. *Methods and materials.* The goal is to explore the strategies of the 2000s–2010s and, since the mid-2020s, the geographical globalisation of NATO's activity. The concept of securitisation is used in the article. The actor (establishment of Western democracies) convinces the audience (the societies) that the defence of the object (the Euro-Atlantic community's countries) is impossible without increasing the power of NATO and noticeable geographic diversification of its activities to containment and throwing back opponents (Russia; also Iran and China). Previously, the actor had proved to the audience the danger of instability threats from conflict zones in Asia and Africa but had failed to provide protection and had searched for new challenges to deter. *Analysis.* In the 1990s in the Balkans, NATO tested strategic activity outside the zone of responsibility. Taking into account this experience, in the 2000s – 2010s, the Alliance had been trying to position itself as a security provider for the countries of origin of the armed conflict in North Africa and the Near East. The features and reasons for the unsuccessful implementation of this strategy are revealed in the examples of NATO's activity in Afghanistan, Iraq and Libya. By the mid-2020s the new strategy to ensure NATO's global presence is based on the alliance's involvement in the containment of the group of opponents of the West (first of all, Russia and China and also Iran). In this context the alliance tried to strengthen its position in post-Soviet space and the Near East and prepare to penetrate the Indo-Pacific region. *Results.* The article summarised the features of strategies of the globalisation of NATO's activities and the Alliance's return to its traditional aim at containment, but on the scale of the international arena as a whole.

Key words: NATO, strategic presence, Afghanistan, Iraq, Libya, post-Soviet space, IPR, containment.

Citation. Trunov Ph.O. NATO's Going on Geographically Global Activity: The Past and the New Strategies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 2, pp. 6-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.1>

УДК 327.5
ББК 66.4Дата поступления статьи: 01.09.2024
Дата принятия статьи: 04.03.2025

ДВИЖЕНИЕ НАТО К ГЕОГРАФИЧЕСКИ ГЛОБАЛЬНОМУ ОХВАТУ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОШЛАЯ И НОВАЯ СТРАТЕГИИ

Филипп Олегович Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Сегодня заметно желание наделить НАТО компетенциями, которые далеко выходят за пределы зоны ее ответственности географически (как было в 2000–2010-е гг.) и функционально. Это важно

для продвижения западнцентричной схемы миропорядка. *Методы и материалы.* Задача – исследовать стратегии 2000–2010-х гг. и вновь выстраиваемую к середине 2020-х гг. по географической глобализации деятельности НАТО. В статье использована концепция секьюритизации. Актор (истеблишмент «западных демократий») убеждает аудиторию (свои общества), что защита объекта (стран-участниц блока) невозможна без наращивания мощи НАТО и заметной географической диверсификации ее деятельности для «сдерживания» и «отбрасывания» оппонентов (РФ, а также ИРИ, КНР). Ранее актор доказывал аудитории опасность от угроз нестабильности из зон конфликтов в Азии и Африке, но не сумел обеспечить защиту, перешел к поиску новых вызовов для противодействия. *Анализ и результаты.* В 1990-е гг. на Балканах НАТО отработала стратегический выход за пределы зоны ответственности. С учетом этого опыта в 2000–2010-е гг. Альянс пытался позиционировать себя как провайдера безопасности для стран происхождения вооруженного конфликта в Северной Африке, на Ближнем и прежде всего Среднем Востоке. Особенности и причины неудачной реализации этой стратегии раскрыты на примерах использования НАТО в Афганистане, Ираке и Ливии. К середине 2020-х гг. в основе планов обеспечить глобальное присутствие НАТО стало лежать ее подключение к «сдерживанию» круга оппонентов Запада, особенно РФ, КНР, ИРИ. В этом контексте Альянс стал укреплять позиции на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, готовить проникновение в Индо-Тихоокеанский регион. *Заключение.* Обобщены черты стратегий по глобализации деятельности НАТО, ее возвращение к традиционной нацеленности на «сдерживание», но уже в масштабах международной арены в целом.

Ключевые слова: НАТО, стратегическое присутствие, Афганистан, Ирак, Ливия, постсоветское пространство, ИТР, «сдерживание».

Цитирование. Трунов Ф. О. Движение НАТО к географически глобальному охвату в деятельности: прошлая и новая стратегии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 2. – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.1>

Введение. «Западные демократии» сопротивляются становлению облика перспективного миропорядка, что продвигает РФ. Иллюстративны масштаб и характер мер по противодействию России в ходе СВО. Государства-члены НАТО и ЕС отнюдь не готовы ограничиваться реактивными шагами, но стремятся реализовать комплекс проактивных мер с целью сохранить западнцентричность миропорядка. Ответственная роль отведена НАТО как структуре: ее позиционируют как «сильнейший альянс в истории» [28]. По завершении перехода к новой модели войск НАТО (стартовал в 2022 г.) в подчинении Альянса должны быть не менее 800 тысяч военных [19]. Основные усилия блок прикладывает в пределах зоны ответственности, особенно в передовой части. Однако значима с 1990-х гг. и деятельность Альянса вовне.

К середине 2020-х гг. государства-члены блока стали ставить перед ним задачи далеко за пределами зоны ответственности – географически и функционально. Стратегическая концепция Альянса (2022) закрепила включение не только РФ, но также ИРИ и КНР в список объектов для «сдерживания» [16, р. 2]. На Вашингтонском саммите (9–11 июля 2024 г.) были заявлены компетенции НАТО на

многочисленных направлениях вне зоны ее ответственности: на Украине, Ближнем и Дальнем Востоке [28]. Это стало отнюдь не первым комплексом попыток активно использовать НАТО вдали от ее зоны ответственности¹. Масштабные усилия были предприняты в 2000–2010-е гг., когда Альянс пытался стать гарантом безопасности для ряда стран происхождения вооруженного конфликта на БСВ. Но результат оказался в целом неудачным: символом тому явилась экстренная эвакуация миссии НАТО из Афганистана (2021).

Методы и материалы. Задача – исследовать прошлую (2000–2010-х гг.) и возникающую к середине 2020-х гг. стратегии по превращению Альянса в географически глобально оперирующего актора. Основной массив источников составили документы самой НАТО: доктринальные (декларации, стратегические концепции), характеризующие ее шаги вне зоны его ответственности.

Исследователи уделяли в целом заметное внимание вопросам функционирования блока, использования его потенциала. Но конкретно проблематика глобализации деятельности НАТО раскрыта ограниченно [4]. Она начала изучаться в *функциональном* измерении с саммита 2021 г., когда на Альянс стала воз-

лагаться нагрузка в сферах, не входивших в зону его ответственности и опосредованно связанных с вопросами безопасности и обороны (экономической, энергетической, экологической, соблюдения прав человека) [2].

Кейсы *географического* применения НАТО за пределами ареала ответственности находили детальное освещение, но их рассматривали скорее в качестве набора частных случаев для блока как региональной организации. Иллюстративна работа С. Слоана, в которой он изучал неприменение эгиды Альянса в 2003 г. для военной кампании в Ираке и, напротив, использование в Афганистане и Ливии [25]. Детальнее всего исследовалась деятельность сил *ISAF*. Так, Д. Ауэрсвальд и С. Сэйдеман раскрывали реальные пределы согласия при выработке решений об использовании НАТО в Афганистане в разных формах (на примерах подходов США, ФРГ и Нидерландов) [7].

Насколько применимо понятие «стратегия» к деятельности блока вне зоны ответственности в 2000–2010-е годы? Утвердительный ответ обусловлен, *во-первых*, повышенным вниманием на доктринальном уровне Альянса к «кризисному регулированию», то есть принятию функций как гаранта безопасности в зонах локальных конфликтов. В стратегической концепции НАТО 2010 г. эта цель стоит де-юре на втором месте (после коллективной обороны), но де-факто ей уделено наибольшее внимание [26, р. 7–8, 19–22]. *Во-вторых*, числом миссий Альянса в отдалении от зоны ответственности, продолжительностью, масштабом каждой по отдельности и их суммарно. *В-третьих*, еще одно доказательство – характер трансформации ВС стран-участниц НАТО, прежде всего для использования под эгидой блока. Это масштабные сокращения, особенно войск, насыщенных тяжелыми ВиВТ. Фокус делался на «легкие» силы, способные действовать вдали от Евро-Атлантического сообщества – против комбатантов, немногочисленных, почти не имевших тяжелых ВиВТ и не являвших регулярные ВС [11].

С середины 2010-х гг. заметен спад в изучении деятельности блока вне зоны ответственности, что обусловлено сужением ее географии и сокращением объемов. Дойдя до минимальных значений в начале 2020-х гг., оба эти показателя стали вновь демонстрировать предрас-

положенность к росту. Рамочные условия заложила востребованность НАТО для «сдерживания» не только РФ, но также ИРИ, КНР в стратегической концепции (2022) [16, р. 2], конкретизация этих планов [28]. Эксперты указывали, что создаваемые как часть новой модели войск НАТО силы союзнического реагирования должны увеличить потенциал Альянса по кризисному регулированию, то есть вдали от зоны ответственности [9, р. 3].

При подготовке статьи нашла применение концепция *секьюритизации*. В основе лежит схема: актор, который подчеркивает перед аудиторией опасность от конкретной угрозы, побуждает к подготовке и реализации комплекса мер, которые могли бы нейтрализовать риски. Результат достигнут, когда актор убеждает аудиторию, что требуемая защита обеспечена [8, р. 26–33]. В исследуемом случае актор – истеблишмент государств-членов НАТО и самого Альянса. Аудитория включает массы граждан в «западных демократиях», с адресацией послания ко всему человечеству. Объект для проецирования угрозы – государство как институт и общество для каждой из стран-участниц НАТО, все они в совокупности. В качестве источников угроз обозначены: Россия (в первую очередь), Китай (в возрастающей мере), Иран, круг наиболее дружественных им государств (особенно Беларусь и Северная Корея) [16; 28]. Аудитория убеждается в необходимости «сдерживать» и «отбросить» совокупность данных государств – источников рисков. Для этого требуется нарастить мощь, географически и функционально диверсифицировать деятельность «западных демократий» в целом и конкретно НАТО как института. Она представлялась как ключевая структура, позволившая Евро-Атлантическому сообществу не просто выстоять в прошлую «холодную войну», но считать себя победившей. Кроме того, де-факто обыгрывается правило: сведенный воедино (то есть грамотно структурированный) потенциал на практике заметно весомее, чем равная ему простая сумма потенциалов, его образующих. Выстраивание глобальной сетки присутствия под флагом блока – необходимое (хотя само по себе еще недостаточное) условие для убеждения аудитории, что цель по защите достигнута.

В 2000-е – начале 2010-х гг. указанный актор уже обращался к отмеченной аудитории, но с педалированием иной опасности: угроз нестабильности. Их источники располагались в зонах вооруженных конфликтов на БСВ, в Африке, севернее экватора. Однако тогда НАТО в итоге не обеспечила защиту: европейские «западные демократии» не смогли эффективно противодействовать на своей территории массовому притоку беженцев (из Сирии и Ирака), росту террористической активности в 2015–2017 гг.; были вынуждены свернуть присутствие в Афганистане (2021) – важнейшем направлении приложения усилий. Невозможность убедить аудиторию в способности защитить от одного типа угрозы актор решил заместить поиском новых, неизменно задействуя НАТО.

Безусловно, между странами-участниками Альянса есть противоречия по широкому кругу вопросов его использования. Вместе с тем НАТО остается для «западных демократий» наиболее действенным механизмом приложения многосторонних усилий, что отнюдь не исключает сбоев при применении блока.

Анализ. Стратегия 2000–2010-х годов. НАТО как провайдер безопасности для стран происхождения вооруженного конфликта на БСВ. Уже в конце прошлой «холодной войны», когда встал вопрос о будущих смыслах существования для НАТО, она стала позиционироваться как «якорь стабильности» в мире. Это предполагало смещение центра тяжести в деятельности Альянса с передовой зоны ответственности (в рамках «сдерживания» СССР, его союзников) вовне, в том числе на значительном удалении. Первые признаки стали заметны с начала 1990-х гг., превращаясь в тенденцию с 1990-х гг.: это десятилетие явилось *предтечей* для придания использованию НАТО глобального характера.

Возможность для Альянса апробировать новые функции возникла на постъюгославском пространстве. Оно одновременно располагалось за пределами тогдашней зоны ответственности Альянса и примыкало к ней. Блок реализовывал двухкомпонентную схему по вмешательству и обеспечению влияния на ход конфликта. Первая составляющая – силовая операция, которая виделась в НАТО как крат-

кая по времени; она представляла способ давления на оппонента подхода «западных демократий» к решению конфликта. Второй компонент – небоевая миссия, длительная, с целью обеспечить ход урегулирования в соответствии с интересами «западных демократий». Впервые схема была апробирована в Боснии и Герцеговине (БиГ): за военно-воздушной операцией *Deliberate Force* против Республики Сербской (30 августа – 20 сентября 1995 г.) последовала выработка Дейтонских соглашений 14 декабря 1995 г. и развертывание наземной миссии НАТО по поддержанию мира *IFOR* (с 1996 г. – *SFOR*). В следующий раз – на косовском направлении. Здесь, однако, имело место затягивание военно-воздушной операции – *Allied Force* (24 марта – 10 июня 1999 г.) как способа давления на Сербию; выработка резолюции Совета Безопасности ООН № 1244 открыла возможность для появления сил Альянса *KFOR* в крае Косово. В бывшей югославской республике Македония НАТО ограничилась лишь второй компонентой схемы. После заключения Охридского соглашения (2001) был проведен комплекс сменивших друг друга операций по поддержанию мира (*Essential Harvest*, *Amber Fox*, *Allied Harmony*) [27, р. 54, 64–73].

С точки зрения эффективности для обеспечения влияния НАТО добилась заметных результатов. В блок вошли Словения (2004), Хорватия (2009), Черногория (2017), Северная Македония (2020). В Боснии даже после смены *SFOR* миссией ЕС *Althea* (2004) НАТО как организация сохранила инструменты контроля над ситуацией. Миссия *KFOR* к середине 2020-х гг. осталась единственной действующей группировкой Альянса вне зоны ответственности [28], представляла своеобразный «минимум» для этой деятельности в целом. Но вопросы вызвала результативность усилий НАТО для самого урегулирования. Создаваемая с активным использованием Альянса архитектура постъюгославского пространства оказалась не столь устойчивой: в середине 2020-х гг. заметно дистанцирование от «западных демократий» и особенно Альянса не только Сербии, но и Республики Сербской как энтитета БиГ; обострение ситуации вокруг Косово [6]. Но к 2000-м гг. Запад считал свои успехи на Балканах безусловными и бесповоротными.

На таком фоне проявилось желание продемонстрировать дееспособность НАТО уже вдали от Европы. Расширенные возможности возникли в контексте антитеррористической борьбы после событий 11 сентября 2001 года. Под эгидой Альянса учредили миссию *Active Endeavour* для борьбы с перевозками боевиков, взрывчатых веществ, оружия в Средиземном море (с апреля 2003 г.) [20]. В августе 2003 г. Альянсу перешло от ООН руководство Международными силами содействия безопасности (МССБ; *ISAF*) в Афганистане [14]. Таким образом, стартовал *первый* полноценный этап в глобализации деятельности блока (2003 г. – конец 2000-х гг.). Но процесс столкнулся с рядом препятствий. Их отчасти породили сами «западные демократии». Так, I западная антитеррористическая коалиция была создана уже осенью 2001 г., а НАТО как институт подключилась лишь весной – летом 2003 года. Почему? Осенью 2001 г., сразу после актов мегатеррора, администрация Дж. Буша-мл. предпочла задействовать не механизм НАТО (что предложили лидеры европейских стран, особенно канцлер Г. Шрёдер), но формат «коалиции желающих». Тем самым США подчеркивали степень влияния на партнеров, готовых помогать Белому дому под эгидой структуры, которая почти не была регламентирована международным правом. Но администрация Дж. Буша переоценила достигнутый эффект. В феврале – марте 2003 г. США и Великобритания инициировали военно-политический кризис вокруг Ирака, обвинив его без должных доказательств в пособничестве международному терроризму и распространению ОМП. Белый дом рассчитывал уже задействовать НАТО для масштабной наземной кампании. Но группа «старых» континентальных государств – членов блока во главе с Германией (канцлер Г. Шрёдер) и Францией (президент Ж. Ширак) выступила против войны с Ираком, привлечения к ней Альянса. США и Великобритания вынужденно обратились вновь к «коалиции желающих», осуществили вторжение в Ирак (20 марта – 1 мая 2003 г.). Оно привело к фактическому развалу страны [25]. Заметный кризис трансатлан-

тической солидарности был обусловлен различиями в подходах между англо-саксонскими и континентальными западноевропейскими державами к боевому, особенно масштабному наземному, применению НАТО вдали от зоны ответственности. Но речь в принципе не шла об отказе придавать деятельности НАТО глобальный характер; вопрос состоял в определении спектра форм (тактик) достижения этого, особенно релевантности силовых операций.

Логично, что обе стороны стремились преодолеть кризис февраля – марта 2003 года. Во многом поэтому НАТО было передано руководство такими миссиями I западной антитеррористической коалиции, как *Active Endeavour* (с апреля 2003 г.) и особенно *ISAF* (с августа 2003 г.). Более того, в Ираке с 2004 г. стартовала деятельность Альянса, но исключительно небоевая: по подготовке кадров войск новых властей в Багдаде [18]. При этом миссия *Enduring Freedom (OEF)*, включая ее компоненту, действовавшую параллельно с *ISAF* в Афганистане, была сохранена под управлением «коалиции желающих» во главе с США. Вплоть до начала 2010-х гг. именно в рамках *OEF* выполнялась основная нагрузка в Афганистане – по борьбе с «Аль-Каидой»* и «Талибаном». Этим Белый дом одновременно подчеркивал собственные военные возможности и учитывал проявленную весной 2003 г. неготовность ряда партнеров к силовому наземному применению НАТО.

В отличие от *OEF*, *ISAF* были сфокусированы на выполнении намного более широких, но де-юре небоевых задач по обеспечению мира и порядка. МССБ должны были создать благоприятные условия для воссоздания вертикали государственной власти, системы органов управления на уровне провинций, национальных сил безопасности [14]. Ареал ответственности *ISAF*, изначально ограниченный районом Кабула, в 2003–2006 гг. охватил всю территорию страны. К 2009 г. МССБ насчитывали свыше 51 тысячи военных, которых предоставили государства-члены и партнеры блока [12]. В середине – второй половине 2000-х гг. афганское направле-

* «Аль-Каида» – организация, признанная террористической и экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

ние утвердилось как ключевой трек для НАТО вдали от зоны ответственности.

Это положение упрочилось на *втором этапе* (начало 2010-х гг.) глобализации деятельности НАТО как гаранта безопасности для стран происхождения конфликта на БСВ. На Лиссабонском саммите НАТО (2010) была согласована ее стратегия по Афганистану. Сначала происходил масштабный, но лишь на 2 года, рост численности *ISAF* до 130 тысяч военных [13] – как войсковых частей, так и инструкторов. Все эти меры должны были помочь Кабулу сосредоточиться на обучении резко увеличиваемых армии и полиции. Затем именно они должны были перенять от сил НАТО основную нагрузку по обеспечению порядка [7], то есть де-юре произошла бы частичная национализация (афганизация) урегулирования. Присутствие НАТО должно было остаться в принципе, уменьшиться и отчасти видоизмениться по формам. В последнем случае Альянс рассчитывал следовать по тому же пути, что и на Балканах с 2000-х годов.

Параллельно с 2011 г. НАТО, как и США в национальном качестве, свернула присутствие в Ираке, посчитав, что реформа сектора безопасности проведена [18]. Притом, как и в Боснии после 2004 г., Альянс сохранил встроенный контроль над ситуацией в Ираке через свои штабы.

На фоне «Арабского пробуждения» страны-участницы НАТО под ее эгидой провели военно-воздушную операцию в Ливии (19 марта – 31 октября 2011 г.) с целью разгрома сил М. Каддафи и поддержки оппозиции. Примечателен состав де-юре ключевых инициаторов: Великобритания при Д. Кэмероне и Франция при Н. Саркози [25]. Формально администрация Б. Обамы играла вспомогательную роль (на практике – координирующую), учтя опыт США 2003 года. Теперь ситуация качественно изменилась, что показал пример Франции. Германия одобрила использование эгиды НАТО, но воздержалась от отправки контингента. В военном отношении кампания Альянса была успешна кратковременно – в плане обрушения власти М. Каддафи.

На таком фоне уже сами США в августе 2013 г. инициировали военно-политический кризис вокруг Сирии, без должных доказательств обвинив официальный Дамаск в при-

менении химоружия. Но добиться консенсуса среди «западных держав» по вопросу боевой операции не удалось: в Великобритании против выступил парламент; Германия заняла уклончивую позицию (схожую с линией по Ливии), лишь Франция заявила о готовности. Оказалась сведена к минимуму возможность использовать эгиду НАТО вне зоны ответственности для военно-воздушной кампании. Кейс военно-политического кризиса вокруг Сирии (2013) уникален в череде таковых, что были инициированы «западными демократиями» после 1991 г.: он стал первым, который был политически урегулирован, а не перерос в силовую операцию (как это было в 1995, 1999, 2003 и 2011 гг.). Причина тому – инициатива Президента РФ В.В. Путина по устранению невоенным путем повода для кризиса (уничтожение химического оружия властей САР под международным контролем).

Тактически такое решение позволило избежать признаков раскола внутри НАТО. Стратегически последствия для Альянса оказались скорее отрицательными, особенно для перспектив дальнейшей глобализации его деятельности. В последующее десятилетие (2014–2023) «западные демократии» вне зоны ответственности НАТО не инициировали ни одного военно-политического кризиса против малого или среднего государства, не проводили масштабных силовых операций под эгидой Альянса. Будучи благом для международной безопасности, это положение демонстрировало де-факто возникавшие четкие пределы для дальнейшего расширения географии при применении НАТО, стало отличительной чертой *третьего этапа* процесса (*середина 2010-х гг.*).

Во многом это было обусловлено распадом института единого государства после силовой операции не только в Ираке (2003), но и Ливии (2011): в последнем случае, в отличие от первого, эгида НАТО была задействована, а, следовательно, Альянс нес полную ответственность, хотя и не признавал этого. В обеих странах появились и стали укрепляться структуры международного терроризма, что не получило должного отпора со стороны блока. В Ливии он вообще не участвовал в решении проблем безопасности после своей операции 2011 года. В Ираке «Ислам-

ское государство Ирака»** возникло вскоре после старта миссии НАТО по реформе сектора безопасности (2004–2011), а резко усилилось после ее свертывания (2011). С 2013 г. «Исламское государство Ирака» переименовало себя в таковое для Ирака и Леванта (ИГИЛ ***). Это произошло на фоне крупных успехов ИГИЛ в Ираке и Сирии, дружественных группировок в Ливии и Мали, что стало представлять экзистенциальную угрозу для европейских «западных демократий». Однако даже столкнувшись с проблемой массового неконтролируемого притока беженцев и ростом терактов, государства-члены НАТО в середине 2010-х гг. не задействовали механизм Альянса ни на Ближнем Востоке, ни в Северной Африке.

Отчетливой становилась и ограниченная способность НАТО контролировать ситуацию на ключевом для нее направлении – афганском. Нарастание *ISAF* (2010–2012) не дало ожидаемого эффекта. Оно было жестко очерчено по времени, недостаточно увязано с развитием обстановки; критического ослабления оппонентов НАТО (прежде всего, талибов) не произошло. Альянс не смог достичь перелома в деле стабилизации, но попытался создать эффект этого. К концу 2014 г. из Афганистана было выведено большинство войсковых подразделений, но сохранена основная часть военных советников и инструкторов; размер присутствия сократился с предельных 130 тысяч до 13 тысяч военных к 2015 г. [22], то есть кратно. Вместо *ISAF* с января 2015 г. была запущена миссия *Resolute Support* («Решительная поддержка»; *RSM*) с сохранением под управлением блока. По сравнению с МССБ круг ее задач сузился: *RSM* сосредоточилась на обучении, консультировании и оказании содействия афганским армии и полиции. НАТО пыталась продолжать курс на афганизацию урегулирования в увязке с сохранением на перспективу своего присутствия. На практике ситуация с безопасностью в Афганистане деградировала: прежде всего, происходило распространение на севере Афганистана бое-

виков ИГИЛ (с 2015 г.). Главной трудностью оставалось усиление «Талибана».

Хронологически параллельно нарастали отмеченные препятствия на пути глобализации в использовании НАТО и возникла, став динамично развиваться, конфронтация Евро-Атлантического сообщества с РФ. Растущая роль в ее «сдерживании» возлагалась на Альянс [24], означая его перефокусирование на деятельность вовнутрь зоны ответственности. Попытки наделить Альянс функциями гаранта безопасности для стран происхождения вооруженного конфликта на БСВ встречались с препятствиями уже в 2011–2012 гг., заметно отчетливее в 2013 г., то есть до начала конфронтации с Россией. Решение вывести основные силы *ISAF* было в основе спланировано еще на Лиссабонском саммите (2010), а конкретизировано – на Вашингтонском (2012) [22]. Отнюдь не фактор конфронтации с РФ оказал решающее воздействие на неудачи реализовать стратегию начала XXI в. по наделению НАТО глобальной субъектностью. Ключевое значение имела неспособность Альянса (тем «западных демократий» в целом) достичь перелома в урегулировании тех вооруженных конфликтов, где блок провозгласил себя ответственным.

Переход к «сдерживанию» РФ отнюдь не остановил попыток Альянса найти новые тактики в реализации рассматриваемой стратегии на *четвертом этапе (конец 2010-х гг.)*. На афганском направлении в 2018 г. произошло небольшое наращивание *RSM* (с 13 до 16 тысяч) [23]; в их состав были включены подразделения ССО – фактически для силовой поддержки Кабула в борьбе с «Талибаном» и местным ИГИЛ. Де-юре миссия *Resolute Support* оставалась исключительно небоевой с фокусом на консультировании и обучении. Как и в период *ISAF*, при *RSM* США параллельно вносили вклад в миссию НАТО (самый крупный; 8,5 тысяч военных к 2019 г.) и действовали в национальном качестве (5,5 тысяч солдат и офицеров) – прежде всего, используя ССО на юге и востоке Афганистана [10,

** «Исламское государство Ирака» – организация, признанная террористической и экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

*** ИГИЛ – организация, признанная террористической и экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

р. 1–3]. Именно эти войска во многом обеспечивали рамочные условия для *RSM*.

В июле 2018 г. после перерыва (с 2011 г.) в Ираке была воссоздана военно-тренировочная миссия НАТО [17]. Этот механизм возник в результате передачи в его подчинение уже находившихся здесь групп инструкторов и советников; они действовали здесь с 2014–2015 гг. в национальном качестве как часть сил II западной антитеррористической коалиции. Соответственно, лишь через 4 года после создания (сентябрь 2014 г.) к ее деятельности подключился Альянс. Для I коалиции этот срок составлял 1,5–2 года. В Афганистане НАТО была вовлечена только после того, как коалиция в 2001–2002 гг. нанесла сильные поражения «Аль-Каиде» и «Талибану» (то, что эти удары не привели к их полному разгрому, а в последующем талибы восстановили потенциал, стало ясно позже). В Сирии и Ираке, чьи территории представляли единый ТВД с ИГИЛ, остановить и тем более отбросить его в середине 2010-х гг. «западные демократии» не смогли. На таком фоне альянс как институт продемонстрировал бы ограниченную способность бороться с международным терроризмом. Вовлечение блока могло стать прологом к постановке вопроса о проведении боевой операции под флагом Альянса, то есть совершенно иной международно-правовой эгиды и жесткостью обязательств для стран-участниц, чем у «коалиции желающих». Показателен пример ФРГ: она присоединилась к деятельности II западной антитеррористической коалиции с запозданием (более года спустя создания, в декабре 2015 г., лишь после терактов в Париже), реактивировала ст. 42 договора о ЕС, а не аналогичную ст. 5 Вашингтонского договора, избегала боевых форм использования бундесвера [5].

Чем обусловлено изменение подхода к использованию НАТО в Ираке летом 2018 года? На фоне нараставшего кризиса в трансатлантических отношениях, в том числе скепсиса 45-го президента США в отношении самого Альянса, его европейские страны-участницы стремились подчеркнуть практическую ценность и дееспособность НАТО. Учитывая особенности внешней политики при Д. Трампе, вероятность постановки вопроса США о боевых операциях под эгидой Альян-

са в Ираке (как и в Афганистане) была близка к нулю, то есть в данном случае риск для проявлявших осторожность государств был минимален. Не менее важны результативные усилия РФ, официального Дамаска и ИРИ по критическому ослаблению ИГИЛ в Сирии. Это вынуждало его перебрасывать сюда силы из Ирака. Поэтому смогли достичь успеха не только пешмерга и войска официального Багдада, но и поддерживавшие их «западные демократии». Так, был завершен длительный штурм Мосула (март 2016 г. – июль 2017 г.). Подключение Альянса в антитеррористическую борьбу становилось возможным; желательным это являлось также для «сдерживания» РФ и ИРИ на Ближнем Востоке. Они стали ключевыми гарантами безопасности для Сирии; в такой ситуации «западные демократии» пытались сохранить за собой аналогичную роль в Ираке. Данной логике отвечало решение объединить под эгидой НАТО национальные миссии по реформе сектора безопасности.

Эта мера дополняла наращивание усилий *RSM* в Афганистане. Параллельно продолжали функционировать войсковые миссии НАТО: наземная по поддержанию порядка в Косово (*KFOR*) и морская по мониторингу ситуации в средиземноморской акватории (*Sea Guardian*, которая с 2016 г. сменила *Active Endeavour*) [21]. Увеличенный в 2018 г. набор группировок вне зоны ответственности НАТО представлял новую попытку наделить Альянс глобальной субъектностью в урегулировании конфликтов. В Ираке и Афганистане, то есть в обоих географически наиболее удаленных миссиях, речь шла почти исключительно о задачах обучать и консультировать, но уже отнюдь не проводить деятельность по поддержанию порядка. Соответственно, были задействованы лишь группы инструкторов, советников, а не войсковые части. Изменение форм влияло на сокращение масштабов использования сил НАТО вне зоны ответственности (несколько тысяч военных, а не десятки тысяч, как в случае *ISAF*). Миссии *KFOR* (с середины 2000-х гг. резко уменьшенная численно) и *Sea Guardian* были войсковыми, но небольшими [21]. Такое изменение вкпе с сохранением далекой от успокоения ситуации в Ираке и Афганистане [14; 17] символизиро-

вало не повышение эффективности (как на это рассчитывали в НАТО), но, напротив, деградацию системы присутствия.

В основе она развалилась в 2021 г. из-за решений США по Афганистану. Если в 2017–2018 гг. администрация Д. Трампа считала целесообразным нарастить усилия [10; 23], то в 2019 г. стала склоняться к «сделке» с талибами, видя бесперспективность попыток их разгромить. 29 февраля 2020 г. было выработано соглашение между США и «Талибаном», включавшее положение о выводе войск первых из Афганистана. Это на практике делало неизбежным и свертывание миссии Альянса. Соглашение (2020) следует признать ключевым для отказа от попыток наделить НАТО глобальной субъектностью по стратегии 2000–2010-х годов. Ряд ведущих европейских государств – членов НАТО (Германия, отчасти Италия и Великобритания) противился «сделке» от 29 февраля 2020 года. Надежды на ее срыв особенно возросли после смены администрации в США. Однако, взяв паузу для осмысления ситуации, Белый дом при Дж. Байдене в апреле 2021 г. решил имплементировать соглашение с «Талибаном». К 4 июля 2021 г. последовала экстренная эвакуация RSM, что сопровождалось стремительным развалом армии и полиции ориентированного на Запад руководства в Кабуле. «Талибан» стремительно взял власть, захватив массу ВиВТ производства стран-участниц блока. Это стало символом обрушения позиций НАТО в Афганистане и в целом усилий по глобализации ее деятельности 2000–2010-х годов.

Новая стратегия (с середины 2020-х гг.). Глобальное присутствие НАТО в контексте «сдерживания» круга оппонентов из числа государств не-Запада. НАТО фокусировалась на использовании своего потенциала либо в пределах зоны ответственности, особенно в передовой части (в прошлую «холодную войну»), либо в отдалении от нее (особенно в 2000-е – начале 2010-е гг.). В середине 2010-х – самом начале 2020-х гг. Альянс попытался активно действовать на обоих огромных направлениях. Однако НАТО постигала неудача; важной ее причиной внутри Альянса была расценена ограниченность сил в его распоряжении. Эта трудность преодолевалась прежде всего посредством перехода к новой

модели сил НАТО [9; 19]. Одновременно предполагалось обеспечить намного большую взаимосвязь стратегической активности внутри и в отдалении от зоны ответственности блока.

На саммите Альянса (2021) декларировалось расширение компетенций на новые для него сферы: экономическую, энергетическую, экологическую, вопросы гендерной повестки [2]. Речь де-юре шла о частичной «экономизации» повестки для НАТО, что де-факто свидетельствовало о «политизации» мировых торгово-хозяйственных процессов в контексте вовлечения в них ранее абсолютно непрофильного игрока – Альянса. Одновременно был впервые обозначен вызов со стороны КНР [5, с. 128]. Тем самым был прочерчен *будущий вектор для новой стратегии* по глобализации деятельности Альянса географически – в контексте «сдерживания» широкого круга оппонентов вне-Запада. Это произошло именно тогда, когда прошлая стратегия на фоне утраты позиций в Афганистане обрушилась. Соответственно, элиты «западных демократий» осуществляли ребрендинг имиджа НАТО: вместо гаранта безопасности для стран происхождения вооруженного конфликта Альянс позиционировался как актер, способный противодействовать «угрозам» от наиболее активных держав не-Запада [16, р. 3–5]. Сыграв ключевую роль в свертывании присутствия в Афганистане, администрация Дж. Байдена стала побуждать европейских партнеров искать пути компенсировать утраченное через вовлечение в конфронтации не только в Европе, но на Дальнем и Ближнем Востоке. На Вашингтонском саммите (9–11 июля 2024 г.) был расширен список объектов для «сдерживания» посредством включения в него ряда дружественных РФ, КНР и ИРИ государств, а именно: Беларуси, КНДР, то есть информационно обосновано глобальное по охвату использование НАТО.

К июню 2021 г. прошло 7 лет со старта конфронтации с РФ, то есть срок, равный трети времени одного поколения (20 лет). За это время элиты государств-членов НАТО провели большую работу по убеждению своих обществ (аудитории) в том, что некая «российская угроза» требует большого напряжения сил для противодействия. Демонизируя Россию, особенно после начала ее вынужденной СВО,

«западные демократии» пытались обозначить «токсичным» любое продвинутое сотрудничество с РФ в сфере безопасности и обороны, через это порицая развивающие его государства, в том числе ИРИ и КНР. Одновременно они начали признаваться источниками угроз и сами по себе. Это двусоставное объяснение необходимости их «сдерживания» в отшлифованном виде было представлено на Вашингтонском саммите (2024) [28]. На тот момент прошло уже 10 лет (половина расчетного поколения) с начала конфронтации с РФ и 3 года с утраты позиций в Афганистане – срок, минимально требуемый, чтобы попытаться предать забвению эту неудачу как осевой элемент прошлой стратегии по глобализации деятельности НАТО. Притом все еще остававшиеся от нее формы присутствия вне зоны ответственности блока (в Косово, Средиземном море, Ираке) были не просто сохранены, но стали органично интегрироваться в новую систему [28]. Ее основу составляют не уже имевшиеся, но создаваемые элементы – например, политические представительства блока стратегического значения. К середине 2020-х гг. все эти компоненты логично группировались по следующим направлениям.

В Европе восточнее зоны ответственности блока – прежде всего, в западной и южной частях постсоветского пространства. Пост спецпредставителя НАТО по Украине сочетался с созданием фонда для оказания ей военной помощи, подключением Альянса к координации поставок ВиВТ и подготовки кадров для ВСУ [28]. Тем самым происходило резко расширение вовлеченности НАТО в оказание поддержки Украине. Данная тенденция крайне опасна, имея следующим вероятным этапом ввод войск под флагом Альянса на территорию этой страны постсоветского пространства, что приведет к скачкообразной эскалации напряженности с РФ.

Воспринимая НАТО как «тяжеловес», ее государства-члены считали до Вашингтонского саммита (2024) чрезмерно провокационным активное подключение эгиды Альянса для военной поддержки властей в Киеве. Для ее организации использовались «коалиции желающих». Это формат «Рамштайн» для координации поставок в целом с созданием конкретной же коалиции по конкретным видам

тяжелых ВиВТ; для обучения кадров ВСУ – миссии *Interflex* под руководством Великобритании и *EUMAM Ukraine* ЕС [15, р. 8, 34–35]. Но наличествовала логика поступательного развития конфронтации – постоянный рост ударной мощи поставляемых ВиВТ. Одно из проявлений – деятельность НАТО на тех треках, которые ранее, вследствие своей провокационности, считались уделом лишь для «коалиций желающих» и ЕС.

Североатлантический альянс на постсоветском пространстве стремится не только к углублению своих позиций (на Украине), но и расширению. Речь идет об обеспечении связанности на НАТО не только Молдавии (де-юре имеет нейтральный статус) и Грузии (сложностью стала неготовность правительства И. Кобахидзе полноценно участвовать в конфронтации с РФ), но и Армении – государства-члена ОДКБ. Показательны переговоры 19 марта 2024 г. генерального секретаря НАТО и премьер-министра Н. Пашиняна.

На Ближнем Востоке в дополнение к штабам НАТО в Ираке учреждались представительства Альянса в Иордании и Кувейте [28]. Территории этих стран активно использовались для размещения военных сил США, других «западных демократий». Создаваемое присутствие во многом будет нацелено на «сдерживание» Ирана и дружественных ему сил – в Сирии, Ливане, Йемене. В феврале 2024 г. для противодействия хуситам в Красном море в дополнение к силам Великобритании и США была развернута военно-морская миссия их европейских континентальных партнеров *Aspides* под флагом ЕС, но отнюдь не НАТО. Не исключено, что в данном случае речь шла о реализации в основе той же схемы, что имела место с подготовкой кадров ВСУ: сначала для весьма провокационной деятельности использован формат «коалиции желающих» (с ведущей ролью у англосаксонских держав) и ЕС, а затем, по мере развития конфронтации, уже подключается НАТО как «тяжеловес».

В декларации Вашингтонского саммита (2024) в принципе не был упомянут палестино-израильский конфликт, несмотря на масштаб и остроту для международной безопасности его «разморозки», особенно наземной операции ЦАХАЛ в секторе Газа. Тем самым

Альянс как институт дистанцировался от нее (притом в национальном качестве США и другие страны-участницы оказывали Тель-Авиву разноплановую поддержку), стремясь создать свой благожелательный образ для Арабского Востока.

Планы по расширению присутствия на Ближнем Востоке являлись частью таковых по отношению к Глобальному Югу в целом: был учрежден (2024) пост спецпредставителя НАТО по взаимодействию с последним [28]. Но показательно, что в декларации Вашингтонского саммита не была в принципе упомянута Африка [28]. Основная причина этого отнюдь не в отсутствии интереса НАТО к этому континенту в современных реалиях (учитывая внимание к Глобальному Югу в целом, миссии в Средиземном море) [28]. Важнее сохранение в Африке памяти о разрушительной по последствиям военно-воздушной операции НАТО в Ливии (2011) в увязке с тем, что де-факто урегулирование здесь не завершено. Роль в неупоминании Африки на саммите НАТО (2024) сыграл и уход группы стран-участниц во главе с Францией и ФРГ из Мали, сопредельных Буркина-Фасо и Нигера в 2021–2023 годах.

На *Дальнем Востоке* (точнее, в терминологии Альянса в *Индо-Тихоокеанском регионе*, ИТР) декларировались задачи вовлечь НАТО в «сдерживание» КНР и углубление сотрудничества с Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей и Японией. Однако здесь планы были очерчены не столь четко.

На какую структуру из созданных в ИТР могут опираться США при вовлечении НАТО в конфронтацию на Дальнем Востоке? Едва ли это будет *QUAD*, учитывая наличие Индии как страны-участницы. На первый взгляд, наиболее возможным представляется формат *AUKUS*, менее вероятно – «треугольник» Южная Корея – США – Япония (тем более что в первую очередь он нацелен на «сдерживание» КНДР). Однако *AUKUS* – структура с участием исключительно англо-саксонских держав, едва ли можно ожидать расширения состава [1]. Возможно, эта роль будет отведена формату *Partners in the Blue Pacific* (*PBP*, «Партнеры в Голубом Тихом океане»). Он был создан 24 июня 2022 г., буквально накануне Мадридского саммита НАТО, на котором блок решено было наделить огромной

военной мощью, а одной из задач стало «сдерживание» КНР. *PBP* учредили четыре англосаксонские страны (Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, США) и Япония, притом структура была открыта для расширений: уже к 2024 г. странами-участницами стали Канада, РК и ФРГ [3]. Добавление Берлина означало начало подключения европейских континентальных стран. Функционально *PBP* должен был прежде всего обеспечивать процветание и безопасность островов на Тихом океане [3]. Но это отнюдь не препятствует превращению *PBP* в контрагента НАТО в ИТР: в компетенцию блока вопросы экологии входили с 2021 года. Притом первоначальное обращение именно к ним могло снизить жесткость реакции КНР на старт использования НАТО на Тихом океане; кроме того, блок получал возможность обозначать влияние на обширных просторах. Все эти положения удобны, чтобы убедить опасующиеся резкого спада диалога с КНР европейские страны-участницы поддержать этот вектор глобализации деятельности блока.

Результаты. Создание и совершенствование системы присутствия НАТО вне, особенно вдали, от зоны ответственности ее государства-члены с 1990-х гг. неизменно считали важным индикатором западноцентричности миропорядка. На Балканах в 1990-е гг., а затем в 2000–2010-е гг. на Среднем и Ближнем Востоке, в Северной Африке НАТО пыталась обеспечить присутствие прежде всего в субъектах, географически занимавших центральное место в каждой из региональных подсистем (Босния и Косово; Афганистан; Ирак; Ливия). От двухкомпонентной схемы по использованию потенциала (силовая операция, а затем уже небоевая деятельность) в середине – второй половине 1990-х гг. НАТО как институт с начала XXI в. перешла к однокомпонентной. Ключевой вехой стал кризис с использованием механизма Альянса для вторжения в Ирак (2003). Притом единственная оставшаяся составляющая могла быть как небоевой (в Афганистане и Ираке), так и силовой (в Ливии 2011 г.); последняя перестала временно находить применение после военнополитического кризиса вокруг Сирии (2013). С середины 2010-х гг. на БСВ НАТО попыталась сосредоточиться на использовании групп

инструкторов и советников, минимизируя до того масштабное в Афганистане применение войсковых единиц. Ни на одном из направлений повышенной активности НАТО не смогла уверенно утвердиться в положении гаранта безопасности для страны происхождения конфликта, обеспечить ее переход к мирной стадии: этого либо не происходило, либо осуществлялось без Альянса.

В теснейшей увязке со «сдерживанием» РФ для НАТО вне зоны ответственности была выработана новая стратегия (к 2025 г.). Она предполагала постановку перед Альянсом еще более ответственных, чем ранее, целей, притом намного более соответствующих природе блока – участию в системе конфликтов с оппонентами Запада. Получая в

свое распоряжение огромную военную мощь, НАТО в новом качестве стала наращивать позиции на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, готовить это на Дальнем Востоке. Этот подход в целом отвечает интересам новой администрации Д. Трампа, которая стремится рационализировать использование ресурсов самих США, возлагая растущую нагрузку в противодействии оппонентам на партнеров.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В статье под зоной ответственности НАТО понимается совокупность территорий и территориальных вод ее государств-членов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев В. С. «Холодная война» между США и КНР: роль и интересы Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 125–143. DOI: 10.31249/ape/2024.04.07
2. Данилов Д. А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931
3. Сидоров А. Ю. Отношения США и Китая при администрации Дж. Байдена: новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 27–48. DOI: 10.31249/ape/2024.04.02
4. Трунов Ф. О. Глобализация деятельности НАТО: нереализовавшиеся и перспективные сценарии // Вестник Российской академии наук. 2023. № 10. С. 970–979. DOI: 10.31857/S0869587323100109
5. Трунов Ф. О. НАТО в начале 2020-х: многосторонние военные группировки в зоне ответственности Альянса // Международные процессы. 2023. № 1. С. 118–145. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1
6. Энтина Е. Г. Сербская внешняя политика: вызовы и восприятие // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 2. С. 185–201. DOI: 10.31249/ape/2024.02.10
7. Auerswald D. P., Saideman S. M. NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone. Princeton: Princeton University Press, 2014. 240 p.
8. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
9. Deni J. R. The New NATO Force Model: Ready for Launch? // NATO Defence College. Outlook. 2024. № 4. P. 1–7.
10. Glatz R. L., Kaim M. Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik // SWP-Aktuell. 2019. № 11. S. 1–8.
11. Gray C. S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2011. 73 p.
12. International Security Assistance Force. 2008. Dec. 1. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2008-12-01-ISAF-Placemat.pdf
13. International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures. 2012. Jan. 6. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2012-01-06-ISAF-Placemat.pdf
14. ISAF's Mission in Afghanistan (2001–2014). 2022. May 30. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69366.htm
15. Mills C. Military Assistance to Ukraine Since the Russian Invasion. London: House of Commons Library, 2023. 69 p.
16. NATO 2022 Strategic Concept. Brussels, NATO HQ, 2022. 13 p.
17. NATO Mission Iraq. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_166936.htm
18. NATO's Assistance to Iraq (2004–2011). 2022. Sept. 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_51978.htm

19. New NATO Force Model. 2022. July 8. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf
20. Operation Active Endeavour (2001–2016). 2022. Sept. 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_7932.htm
21. Operation Sea Guardian. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136233.htm
22. Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures. May 2015. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_05/20150508_1505-RSM-Placemat.pdf
23. Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures. July 2018. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180706_2018-07-RSM-Placemat.pdf
24. Sarotte M. E. Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate. Yale: Yale University Press, 2021. 568 p.
25. Sloan S. R. Defence of the West. NATO, the European Union and the Transatlantic Bargain. Manchester: Manchester University Press, 2016. 400 p.
26. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Brussels, NATO HQ, 2010. 40 p.
27. The Bundeswehr on Operations. Berlin: Ministry of defence, 2009. 120 p.
28. Washington Summit Declaration. 2024. July 10. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm

REFERENCES

1. Vasiliev V.S. «Holodnaja vojna» mezhdru SShA i KNR: rol i interesy Velikobritanii [“Cold War” Between the USA and China: The Role and Interests of Great Britain]. *Aktualnyye problemy Jevropy* [Current Problems of Europe], 2024, no. 4, pp. 125-143. DOI: 10.31249/ape/2024.04.07
2. Danilov D.A. Globalnyje gorizonty atlanticheskogo Aljansa: «vaksina» Bajdena [Global Horizons of the Atlantic Alliance: The Biden “Vaccine”]. *Sovremennaja Jevropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 5, pp. 19-31. DOI: 10.15211/soveurope520211931
3. Sidorov A. Yu. Otnoshenija SShA i Kitaja pri administracii Dzh. Bajdena: novyj etap protivostojanija [The US – China Relations During the Biden Administration: A New Stage of Competition]. *Aktualnyye problemy Jevropy* [Current Problems of Europe], 2024, no. 4, pp. 27-48. DOI: 10.31249/ape/2024.04.02
4. Trunov Ph.O. Globalizacija dejatel'nosti NATO: nerealizovavshiesja i perspektivnyje stsennarii [The Globalization of NATO Activities: Unimplemented and Promising Scenarios]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 10, pp. 970-979. DOI: 10.31857/S0869587323100109
5. Trunov Ph.O. NATO v nachale 2020-kh: mnogostoronnije vojennye gruppировки v zone otvetstvennosti Aljansa [NATO Development by the Early 2020s]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2023, no. 1, pp. 118-145. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1
6. Entina E.G. Serbskaja vneshnjaja politika: vyzovy i vosprijatije [Serbian Foreign Policy: Challenges and Perception]. *Aktualnyye problemy Jevropy* [Current Problems of Europe], 2024, no. 2, pp. 185-201. DOI: 10.31249/ape/2024.02.10
7. Auerswald D.P., Saideman S.M. *NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone*. Princeton, Princeton University Press, 2014. 240 p.
8. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
9. Deni J.R. The New NATO Force Model: Ready for Launch? *NATO Defence College. Outlook*, 2024, no. 4, pp. 1-7.
10. Glatz R.L., Kaim M. Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik. *SWP-Aktuell*, 2019, Nr. 11, S. 1-8.
11. Gray C.S. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century*. Carlisle, Strategic Studies Institute, 2011. 73 p.
12. *International Security Assistance Force*, 2008, Dec. 1. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2008-12-01-ISAF-Placemat.pdf
13. *International Security Assistance Force (ISAF): Key Facts and Figures*, 2012, Jan. 6. URL: https://www.nato.int/isaf/placemats_archive/2012-01-06-ISAF-Placemat.pdf
14. *ISAF's Mission in Afghanistan (2001–2014)*. 2022, May 30. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69366.htm
15. Mills C. *Military Assistance to Ukraine Since the Russian Invasion*. London, House of Commons Library, 2023. 69 p.

16. *NATO 2022 Strategic Concept*. Brussels, NATO HQ, 2022. 13 p.
17. *NATO Mission Iraq*. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_166936.htm
18. *NATO's Assistance to Iraq (2004–2011)*, 2022, Sept. 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_51978.htm
19. *New NATO Force Model*. 2022, July 8. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf
20. *Operation Active Endeavour (2001–2016)*, 2022, Sept. 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_7932.htm
21. *Operation Sea Guardian*, 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136233.htm
22. *Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures*. May 2015. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_05/20150508_1505-RSM-Placemat.pdf
23. *Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures*. July 2018. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180706_2018-07-RSM-Placemat.pdf
24. Sarotte M.E. *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. Yale, Yale University Press, 2021. 568 p.
25. Sloan S.R. *Defence of the West. NATO, the European Union and the transatlantic bargain*. Manchester, Manchester University Press, 2016. 400 p.
26. *Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization*. Brussels, NATO HQ, 2010. 40 p.
27. *The Bundeswehr on Operations*. Berlin, Ministry of defence, 2009. 120 p.
28. *Washington Summit Declaration*, 2024, July 10. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm

Information About the Author

Philipp O. Trunov, Doctor of Sciences (Politics), Leading Researcher, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovskiy, 51/21, 117418 Moscow, Russian Federation, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

Информация об авторе

Филипп Олегович Трунов, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Российская Федерация, 1trunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>